

Научная статья

УДК 1.159.98

EDN: <https://elibrary.ru/dbgpmw>

НИОН: 2018-0077-1/26-712

MOSURED: 77/27-024-2026-01-911

Область науки: 5. Социальные и гуманитарные науки

Группа научных специальностей: 5.3. Психология

Шифр научной специальности: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Экзистенциальные формы коммуникации в современных условиях

Михаил Михайлович Потапов¹, Андрей Борисович Барбашов², Григорий Михайлович Гойхман³

^{1, 2, 3} Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹ PotapovMM@rgsu.net

² BarbashovAB@rgsu.net

³ GoikhmanGM@rgsu.net

Аннотация. Современный социум переживает радикальную трансформацию. Беспрецедентный технологический прогресс, глобализация и ускорение темпов жизни изменяют саму природу человеческих отношений. В этих условиях вопрос о подлинности и смысле человеческого общения становится особенно острым. Экзистенциализм, с его фокусом на индивидуальном бытии, свободе и ответственности, предлагает мощный аналитический инструмент для понимания этих процессов. Цель настоящей статьи – проанализировать экзистенциальные формы коммуникации в современном обществе, выявить их специфику, вызовы и перспективы. В статье проводится комплексный анализ трансформации социальных коммуникаций под влиянием цифровых технологий и трансформации коммуникативных практик под влиянием социальных сетей.

Актуальность данной работы обусловлена стремительным развитием интернет-среды, тотальной проницаемостью социальных медиа во все сферы жизни общества, что приводит к системной перестройке способов производства, распространения и потребления информации, а также к изменению характера социальных связей.

Ключевые слова: социальные коммуникации, интернет-сообщества, социальные сети, экзистенциальные формы, виртуальная реальность, искусственный интеллект (ИИ), парасоциальные отношения, цифровая социология, медиасреда, аффективные альянсы, иммерсивность, коммуникативные практики, медиатизация, публичный дискурс

Для цитирования: Потапов М. М., Барбашов А. Б., Гойхман Г. М. Экзистенциальные формы коммуникации в современных условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 86–94. EDN: DBGPMW.

Original article

Existential forms of communication in modern conditions

Mikhail M. Potapov¹, Andrey B. Barbashov², Grigori M. Goikhman³

^{1, 2, 3} Russian State Social University, Moscow, Russia

¹ PotapovMM@rgsu.net

² BarbashovAB@rgsu.net

³ GoikhmanGM@rgsu.net

Abstract. Modern society is undergoing a radical transformation. Unprecedented technological progress, globalization, and the accelerating pace of life are changing the very nature of human relationships. Under these conditions, the question of the authenticity and meaning of human communication becomes especially pressing. Existentialism, with its focus on individual existence, freedom, and responsibility, offers a powerful analytical tool for understanding these processes. The purpose of this article is to analyze existential forms of communication in contemporary society, identifying their specific characteristics, challenges, and prospects. It provides a comprehensive analysis of the transformation of social communications under the influence of digital technologies and the transformation of communication practices under the influence of social media.

The relevance of this work is determined by the rapid development of the internet environment and the total penetration of social media into all spheres of society, which leads to a systemic restructuring of the methods of production, distribution, and consumption of information, as well as a change in the nature of social connections.

© Потапов М. М., Барбашов А. Б., Гойхман Г. М., 2026

Keywords: social communications, online communities, social networks, existential forms, virtual reality, artificial intelligence (AI), parasocial relations, digital sociology, media environment, affective alliances, immersion, communication practices, mediatization, public discourse

For citation: Potapov M. M., Barbashov A. B., Goikhman G. M. Existential forms of communication in modern conditions. Psychology and pedagogics in official activity. 2026;(1):86–94. (In Russ.). EDN: DBGPMW.

Введение. В соответствии с определением Большой Российской Энциклопедии 2004–2017, коммуникация (лат. *communicatio*, от *communico* – делать общим, делать сообща, связывать, общаться) есть взаимодействие людей и животных, предполагающее обмен информацией с помощью специализированных сигналов-посредников. В человеческом обществе Коммуникация есть общение, обмен мыслями, знаниями, чувствами, поступками.

При этом необходимо учесть, что так называемая «классическая латынь» (а именно, на данном языке было сформулировано современное определение *communicatio*) сформировалась примерно в I веке до н. э. Но обмен информацией, общение людей между собой, их формы взаимодействия существовали задолго до появления письменности, с древнейших времен зарождения человечества.

Первыми признаками коммуникации еще на заре *Homo sapiens* с абсолютной уверенностью можно назвать передачу информации как о внешней среде, так и о внутренних чувствах или личных эмоциях звуками, жестами и мимикой.

Термин «экзистенциальный» в последнее время часто звучит не только в научных дискуссиях разного рода, но и на уровне бытового общения. При этом порой оно воспринимается как некий заумный термин. Полагаем, необходимо попытаться разобраться в сути данного понятия.

Экзистенциальный – происходит от слова экзистенция – бытие, иными словами, объективная реальность в ее полно-объемном существовании.

В Большом толковом словаре русского языка термин «экзистенциальный» трактуется как «связанный с бытием, существованием человека».

Экзистенциализм (фр. *existentialisme* от лат. *existentia* – существование), кроме того философия существования – одно из направлений в философии XX века, акцентирующее свое внимание на уникальности бытия человека.

В чистом виде экзистенциализм как философское направление никогда не существовал. Экзистенциализм развивался параллельно родственным направлениям – французскому персонализму (Э. Мунье, М. Недонсель, Ж. Лакруа) и немецкой диалектической теологии (К. Барт, П. Тиллих, Р. Бульман).

Исходя из приведенных определений напрашивается вывод, что экзистенциальная коммуникация есть не что иное как истинная коммуникация, зародившаяся вместе с человеком. основополагающие формы обмена информацией остаются неизменными: вербальные и невербальные, а способы эволюциониру-

ют в полной совокупности с развитием человеческой цивилизации. В данном случае можно пренебречь первичностью происхождения форм коммуникации. Несмотря на то, что невербальные формы (мимика, жесты и пр.) зародились несколько раньше появления языка как средства общения между людьми, вербальная коммуникация (т. е. словесный язык) считается основным коммуникационным средством. При этом именно в совокупности данных форм коммуникация достигает цели абсолютной полноты передачи не только количественной информации, но и сути существующей реальности.

1. Экзистенциальные формы коммуникации современного социума

В современном мире происходит значительное изменение в формах коммуникации между людьми. С развитием технологий и социальных сетей, привычные способы общения переосмысливаются и принимают новые, экзистенциальные формы. Эти изменения оказывают влияние не только на наше повседневное общение, но и на само понимание своего существования в контексте современного социума.

Исследование экзистенциальных форм коммуникации становится все более актуальным в условиях изменяющегося мира. В данной главе мы рассмотрим, какие новые аспекты появляются в области общения, как они влияют на нашу жизнь и как можно осознанно использовать эти изменения для улучшения качества межличностных отношений и самопонимания.

Первые проявления экзистенциальной коммуникации как формы отражения внешнего мира отмечаются в начале XX века. Наиболее яркое проявление этой идеи мы находим в творчестве выдающихся немецких мыслителей Карла Ясперса и Мартина Бубера, а также испанского философа-экзистенциалиста Хосе Ортеги-и-Гассета.

Концепция Ясперса заключалась в различии массовой и подлинной, или экзистенциальной коммуникации.

Характерным признаком массовой коммуникации является формальное межличностное общение. В процессе обмена информацией не проявляется уникальность личности. Каждый человек при этом не раскрывает свой внутренний мир.

Подлинная коммуникация, разрывая личные границы, образует связь двух личностей на духовном уровне. Такая коммуникация возможна только тогда, когда человек готов к истинному диалогу, преодолевая собственный эгоизм совершить прорыв к Другому.

Диалогизм в философии Бубера состоял в двух типах отношений: «Я-Ты» и «Я-Оно».

В отношениях «Я-Ты»: человек вступает в подлинный диалог, воспринимая другого как уникальную и самоценную личность. Этот диалог является основой экзистенциальной коммуникации.

В отношениях «Я-Оно»: человек воспринимает другого как объект, средство для достижения своих целей. Это инструментальная, функциональная коммуникация.

Таким образом, экзистенциальная коммуникация – это не просто обмен информацией, а глубокое, личностное взаимодействие, направленное на взаимопонимание и соприкосновение с бытием Другого.

Далее, в течении XX века, экзистенциальная коммуникация из идеи перерастает в предмет разносторонних междисциплинарных исследований в области изучения коммуникативных знаков и знаковых систем, которые хранят и передают информацию.

Современное общество, несмотря на обилие средств связи, сталкивается с глубоким кризисом подлинной коммуникации, который проявляется в следующих факторах.

Развитие цифровых технологий, социальных сетей и мессенджеров предоставило беспрецедентные возможности для связи, но парадоксальным образом привело к углублению отчуждения личности от общества. Данное явление можно обозначить как «технологический парадокс». Виртуальные контакты часто носят поверхностный, фрагментарный характер, не оставляя места для глубокого личного общения. Социальные сети создают «эхо-камеры», где люди общаются с теми, кто разделяет их взгляды, что препятствует реальному диалогу и столкновению с инаковостью.

В условиях потребительского общества коммуникация нередко превращается в инструмент, товар, способ достижения личной выгоды. Таким образом происходит коммерциализация общения. Отношения между людьми становятся «Я-Оно», что разрушает возможность подлинного диалога.

Вопросы управления психологией больших масс людей стали более доступны за счет расширения возможностей влияния на индивидуальную психику [10]. Глобализация и информационная перегрузка ставят под вопрос устойчивость личной идентичности. В стремлении соответствовать общественным ожиданиям и виртуальным образам человек теряет связь со своим подлинным «Я», что делает невозможной и подлинную коммуникацию с Другим. Таким образом мы приходим к кризису самоидентификации.

При всем при этом кризис традиционных форм коммуникации порождает новые, подчас парадоксальные, экзистенциальные практики общения в современном социуме.

Интернет, при всех его недостатках, может стать ареной для подлинного общения. Таким образом новой формой экзистенциального выбора становится виртуальная коммуникация. Создаются альтернативные виртуальные пространства, в которых человек может нахо-

дись сообщества и собеседников, с которыми он может быть по-настоящему открытым, чего ему не хватает в повседневной жизни. В условиях анонимности и отсутствия социальных масок человек в виртуальном пространстве вынужден совершать экзистенциальный выбор, кем он хочет быть, и как он хочет взаимодействовать с Другими.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) ставит новые экзистенциальные вопросы. Общение с ИИ-ассистентами и чат-ботами является симулякр диалога. Однако это заставляет человека рефлексировать над тем, что делает общение подлинным, а что – поверхностной коммуникацией. Зависимость от ИИ может усугубить отчуждение, создавая иллюзию общения, но не удовлетворяя глубинную потребность в контакте с живым человеком.

На фоне повсеместного кризиса особое значение приобретает рефлексивный диалог – как внутренний, так и внешний. Внутренний диалог: саморефлексия и диалог с самим собой становятся ключом к самопознанию и восстановлению связи со своим «Я». Внешний рефлексивный диалог – это общение, где собеседники не только обмениваются мнениями, но и осмысливают сам процесс коммуникации, его цели и смыслы.

Понимание всей сложности коммуникационной проблематики обуславливает необходимость определения путей преодоления кризиса.

В условиях информационной перегрузки и многозадачности необходимо развивать осознанность в общении. Это означает быть полностью включенным в момент, слушать собеседника без предубеждений и отвлечений.

Подлинный диалог невозможен без эмпатии – способности сопереживать и понимать чувства другого. Открытость к иному опыту и инаковости является важным условием для преодоления «эхо-камер».

Необходимо создавать и культивировать пространства (как физические, так и виртуальные), где возможно неформальное, личностное и глубокое общение, свободное от потребительских и инструментальных мотивов.

Развитие навыков саморефлексии, критического мышления и эмоционального интеллекта поможет людям осознать свои экзистенциальные потребности и стремиться к более подлинным формам общения.

Экзистенциальные формы коммуникации в современном обществе находятся в состоянии напряженного диалога между кризисом подлинности и поиском смысла. Развитие технологий, коммерциализация и информационная перегрузка создают серьезные вызовы для глубокого человеческого общения. Однако именно в этих условиях возрастает ценность подлинного диалога, основанного на самопознании, эмпатии и открытости. Преодоление кризиса коммуникации требует не столько отказа от технологий, сколько осознанного выбора в пользу глубоких, личностных отношений. В конечном итоге, экзистенциальная коммуникация – это не про-

сто способ обмена информацией, а путь к обретению смысла собственного бытия и утверждению ценности человеческой личности в современном мире. В отличие от поверхностного и функционального общения, экзистенциальная коммуникация основана на диалоге, открытости и признании уникальности каждой личности.

2. Интернет и социум: новые экспериментальные формы связи

Современный этап развития общества неразрывно связан с процессом цифровизации, в ходе которого интернет перестал быть просто инструментом передачи информации, превратившись в глобальную социотехническую среду. Если на заре своего существования интернет-коммуникация в основном воспроизводила и дополняла офлайн-взаимодействия (электронная почта как аналог бумажной, форумы как клубы по интересам), то сегодня мы наблюдаем возникновение принципиально новых, экспериментальных форм связи, которые не имеют прямых аналогов в доцифровую эпоху.

Эти формы характеризуются высокой степенью технологической опосредованности, зависимостью от алгоритмов, интенсивностью аффективного вовлечения и размыванием традиционных социальных границ. Их изучение является одной из наиболее актуальных задач для социогуманитарного знания, поскольку именно в этой лаборатории коммуникативных экспериментов формируются контуры социальности будущего.

В ходе исследования данного вопроса необходимо опираться на ряд теоретических подходов.

Во-первых, это «медиаэкологический подход», рассматривающий интернет не как нейтральный канал, а как среду, которая активно формирует коммуникативные практики, структуры восприятия и социальные институты [8; 9]. Интернет-среда с ее свойствами интерактивности, гипертекстуальности и глобальной связанности является условием возможности экспериментальных форм связи.

Во-вторых, используется «теория социальных сетей», смещающая фокус с жестко структурированных групп на гибкие, распространяющиеся сети межличностных связей [6]. В контексте интернета эта теория позволяет анализировать сообщества, лишенные территориальной привязки и основанные на общности интересов или аффективных реакций.

В-третьих, применяется концепция «цифрового этоса», описывающая emerging-нормы и правила поведения, спонтанно формирующиеся в киберпространстве [7]. Эти нормы часто противоречат или дополняют традиционные моральные кодексы, что является характерной чертой экспериментальных коммуникаций.

Эволюция интернет-коммуникации: от диалога к алгоритмическому аффекту. Исторически развитие интернет-коммуникации можно разделить на несколько этапов. Первый этап (1980-е – середина 1990-х гг.) – это эра текстового диалога (IRC, чаты, MUDs/MOO), где коммуникация была по своей сути интерпер-

сональной, хотя и опосредованной. Сообщества формировались вокруг общих текстовых миров и прямого общения.

Второй этап (конец 1990-х – 2000-е гг.) связан с появлением «веб 2.0» и социальных сетей (LiveJournal, Facebook, ВКонтакте). Коммуникация становится более визуализированной и персонифицированной, возникает феномен «горизонтальной» медиатизации, когда пользователи сами становятся производителями контента. Сообщества структурируются вокруг личных профилей («френд-лента»), однако социальный граф по-прежнему largely отражает или расширяет офлайн-связи.

Современный, третий этап (2010-е – по настоящее время) характеризуется доминированием алгоритмически опосредованной коммуникации. Платформы (TikTok, Instagram, Twitter/X) все меньше показывают контент от «друзей» и все больше – от незнакомцев, подобранный алгоритмом на основе анализа поведения пользователя. Это приводит к фундаментальному сдвигу: основой для связи становится не межличностное знакомство или явно выраженный интерес, а совместное, синхронизированное алгоритмом аффективное переживание. Социальная связь возникает не «снизу вверх», от индивида к индивиду, а «сверху вниз» – как результат настройки пользователей платформой на одну эмоциональную волну. Именно на этом этапе возникают те экспериментальные формы, которые являются предметом данного исследования.

В рамках современного этапа можно выделить три ключевых типа экспериментальных коммуникативных форм.

1. Аффективные альянсы в социальных сетях: сообщества алгоритмической синхронизации.

Данный тип связи представляет собой кратковременные, но интенсивно переживаемые объединения пользователей, формируемые вокруг общего аффекта (возмущения, восторга, иронии, ностальгии), актуализированного вирусным контентом и усиленного алгоритмом рекомендательной системы.

Примеры: Всплеск коллективного возмущения в комментариях под постом о несправедливости; массовая ироничная реакция на мем, создающая ощущение принадлежности к «посвященным»; синхронное участие в хэштег-кампаниях.

Специфика связи:

Эфемерность. Альянс существует ровно столько, сколько контент находится в тренде. После этого аффект рассеивается, а связь распадается.

Алгоритмическая природа. Пользователи не ищут друг друга consciously; их сводит вместе платформа, которая идентифицировала их как релевантную аудиторию для конкретного аффективного паттерна.

Недиалогичность. Коммуникация часто носит монологический характер (каждый высказывает свой аффект в общем потоке), но при этом создает мощное ощущение сопричастности.

Идентичность. Участник такого альянса не приобретает устойчивой идентичности, но переживает временную «жидкую идентичность», определяемую текущим аффектом [1].

Социокультурным последствием распространения аффективных альянсов является эмоционализация публичной сферы. Рациональная дискуссия вытесняется борьбой аффектов, что кардинально меняет политические и культурные процессы. Солидарность становится не продуктом долгосрочных договоренностей, а результатом моментальной эмоциональной синхронизации.

2. Иммерсивные сообщества в виртуальной и дополненной реальности.

Этот тип связи предполагает совместное пребывание в едином, технологически созданном пространстве, которое воспринимается как реальное или смешанное. Коммуникация здесь становится не просто обменом сообщениями, а совместным действием в общем мире.

Примеры: Многопользовательские онлайн-миры (MMORPG, метавселенные типа Decentraland, VRChat), социальные платформы в VR, игры с дополненной реальностью (Pokémon GO).

Специфика связи:

Воплощенность. Коммуникация обогащается невербальными компонентами: аватары передают жесты, позы, дистанцию между пользователями. Это создает эффект телесного присутствия, отсутствующий в традиционных социальных сетях.

Общее пространство. Связь опосредована не только общим интересом, но и общим «местом» – виртуальным ландшафтом, артефактами, архитектурой.

Ролевой характер. Взаимодействие часто строится вокруг игровых или социальных ролей, что позволяет экспериментировать с идентичностью более глубоко, чем в анонимных текстовых чатах.

Смешанная реальность (Mixed Reality). В случае с дополненной реальностью цифровые социальные объекты и взаимодействия накладываются на физический мир, создавая принципиально новый гибридный социальный контекст.

Социокультурным последствием является размывание онтологических границ. Опыт, полученный в виртуальном мире, воспринимается как подлинный и значимый. Формируются устойчивые сообщества, для которых виртуальное пространство является основной средой социализации. Это ставит под вопрос традиционное понимание «реальности» и «присутствия».

3. Парасоциальные отношения с нечеловеческими агентами.

Наиболее радикальная экспериментальная форма – это установление социальных и эмоциональных связей с искусственным интеллектом, чат-ботами и виртуальными influencers. Традиционное понятие парасоциальных отношений (односторонняя связь зрителя с медиаперсоной) здесь трансформируется, так как ИИ способен симулировать взаимность.

Примеры: Эмоциональная привязанность к чат-ботам-компаньонам (Replika), восприятие виртуальных influencers (Lil Miquela) как реальных личностей, романтизация голосовых помощников (Alexa, Siri).

Специфика связи:

Иллюзия взаимности. Алгоритм генерирует ответы, создающие убедительный эффект заботы, понимания и эмпатии. Пользователь проецирует на нечеловеческого агента человеческие качества (антропоморфизация).

Инструментализация общения. Связь лишена спонтанности и непредсказуемости, присущей человеческому общению. Она всегда является продуктом предсказательной модели.

Безусловное принятие. В отличие от людей, ИИ-компаньоны не осуждают, не критикуют и всегда доступны, что делает их привлекательными для людей, испытывающих трудности в социальном взаимодействии.

Трансформация приватности. Для установления глубокой связи пользователь добровольно передает ИИ свои самые сокровенные мысли и чувства, что создает новые риски в области этики данных и психологической манипуляции.

Социокультурным последствием является переопределение социального. Социальная связь более не ограничивается межчеловеческой сферой. Возникает вопрос: можно ли считать полноценной связью отношения с entity (сущность), у которого нет сознания, интенциональности и подлинных эмоций? Распространение таких практик ведет к глубоким антропологическим сдвигам, заставляя пересматривать такие фундаментальные категории, как «другой», «диалог» и «любовь».

Сравнительный анализ и интегральная оценка

Несмотря на различия, все три выделенные формы обладают общими чертами:

1. Глубокая технологическая опосредованность: Связь невозможна вне конкретной цифровой платформы или интерфейса.

2. Пластичность и ситуативность: Социальные структуры, возникающие в этих форматах, текучи и зависят от контекста.

3. Аффективная доминанта: Основой для связи все чаще становится не рациональный интерес, а эмоциональный отклик.

4. Новые формы идентичности: Идентичность становится перформативной, множественной и контекстуально зависимой.

Вместе эти формы знаменуют переход от общества дисциплины к обществу контроля [5], где управление осуществляется через непрерывное модулирование потоков информации, коммуникации и, как следствие, аффектов [13]. Алгоритмы социальных сетей, иммерсивные среды и ИИ-компаньоны становятся новыми агентами социального контроля, действующими не через запрет, а через соблазн, рекомендацию и персонализацию.

В заключение рассмотрения данного вопроса можно констатировать, что интернет-среда перестала быть пассивным отражением социума, превратившись в активную лабораторию по производству новых, экспериментальных форм связи. Эти формы – аффективные альянсы, иммерсивные сообщества и парасоциальные отношения с ИИ – характеризуются высокой степенью опосредованности, эфемерностью и интенсивной аффективной нагрузкой.

Их возникновение и распространение ведет к фундаментальным трансформациям в социальной ткани:

- сообщество оно становится ситуативным и алгоритмически сконструированным;
- идентичность становится «жидкой», перформативной и распределенной между онлайн- и офлайн-контекстами;
- размываются онтологические границы между реальным и виртуальным, человеческим и искусственным;
- публичная сфера подвергается интенсивной эмоционализации.

Дальнейшие перспективы видятся в эмпирической верификации выделенных трендов, в изучении долгосрочных психологических эффектов от участия в таких коммуникативных практиках, а также в разработке этических и правовых рамок, регулирующих взаимодействие человека с алгоритмическими системами и искусственным интеллектом в социальной сфере. Понимание этих экспериментальных форм связи является ключом к прогнозированию и осмысленному конструированию социальной реальности XXI века.

3. Влияние социальных сетей на коммуникативные практики

Коммуникация является фундаментальным процессом, конституирующим социальный порядок, культурные коды и индивидуальные идентичности. С появлением и глобализацией социальных сетей этот процесс претерпел столь масштабные изменения, что можно говорить о формировании новой коммуникативной парадигмы. Социальные сети, будучи не просто каналом передачи информации, а комплексной социотехнической средой, активно преобразуют сложившиеся веками коммуникативные практики, порождая новые формы социального взаимодействия, языковые игры и стратегии самопрезентации.

Актуальность данного вопроса определяется необходимостью осмысления качественных изменений в структуре коммуникации, которые носят не частный, а системный характер. Трансформация затрагивает все уровни: от интимно-личностного общения до функционирования публичной сферы и политических процессов. Игнорирование этой трансформации приводит к неадекватности социологических, политологических и психологических моделей, описывающих современное общество.

Смена коммуникативной парадигмы от диалога к перформансу и реакции происходит самым активным

образом. Классическая модель коммуникации, восходящая к работам Р. Якобсона и Ю. Хабермаса, предполагала диалог, ориентированный на взаимопонимание, аргументацию и кооперацию. Социальные сети институционализируют иные модели.

1. Перформативная коммуникация. Самопрезентация в социальных сетях все меньше направлена на поддержание диалога с конкретным «Другим» и все больше – на демонстрацию «успешного Я» для обобщенной аудитории. Профиль пользователя становится «цифровым перформансом», где каждый пост, фотография или отметка – это элемент сценического образа [3]. Коммуникация превращается в непрерывный поток самопрезентации, нацеленный на производство и поддержание определенной идентичности. «Лайк» в этой модели – это не знак согласия с высказыванием, а знак социального одобрения представленного перформанса.

2. Реактивная коммуникация. Архитектура социальных сетей (кнопки «лайк», «репост», реакции) поощряет не глубокий ответ, а мгновенную, часто аффективную реакцию. Коммуникация редуцируется до акта клика, который требует минимальных когнитивных усилий. Это приводит к «эмоционализации дискурса» и вытеснению сложных аргументированных высказываний в пользу простых и эмоционально заряженных сигналов. Диалог уступает место «полилогу реакций», где основным содержанием коммуникации становится не обмен смыслами, а синхронизация аффективных состояний.

Публичная сфера, понимаемая как пространство рациональной дискуссии по общественно значимым вопросам, претерпевает кардинальные изменения в условиях доминирования социальных сетей [11]. Формируется алгоритмическая опосредованность и фрагментация публичной сферы.

1. Формирование «алгоритмических публик». Пользователи видят в ленте не срез общего информационного поля, а персонализированную подборку контента, отобранного алгоритмом на основе их прошлого поведения. В результате традиционные общественные группы (классы, политические партии) замещаются «аффективными альянсами» – временными сообществами, сформированными вокруг общего вирусного контента или эмоциональной реакции, инициированной алгоритмом. Солидарность становится не продуктом долгосрочных договоренностей, а результатом моментальной алгоритмической синхронизации.

2. Фрагментация и поляризация. Алгоритмы, оптимизированные на удержание внимания, чаще продвигают контент, который вызывает сильные эмоции (гнев, возмущение, восторг и пр.) и подтверждает существующие убеждения пользователя (так называемые «пузыри фильтров», К. Парайзер). Это ведет к усилению социальной поляризации, так как представители разных групп существуют в параллельных информационных реальностях, лишенных точек соприкосновения. Рацио-

нальный дискурс между ними становится практически невозможным.

3. Кризис символических авторитетов. В социальных сетях горизонтальная структура коммуникации подрывает монополию традиционных институтов (СМИ, науки, государства) на производство истины. Экспертное знание уравнивается в правах с мнением блогера, что порождает эпистемический хаос и распространение дезинформации.

Социальные сети функционируют в режиме «экономики внимания» (по Томасу Дэвенпорту), где главным дефицитным ресурсом является внимание пользователя. Это порождает новые специфические коммуникативные стратегии и жанры.

Например, доминирование визуального контента (сторис, рилзы, мемы) над текстовым ведет к изменению способа восприятия информации. Коммуникация становится более импрессионистической, симультанной и менее рефлексивной. Мем как базовый жанр интернет-коммуникации представляет собой идеальный носитель для быстрой передачи сложных идей и аффектов в сжатой, часто ироничной форме.

Жанр «сторис» и логика эфемерности. Формат историй (Stories), исчезающих через 24 часа, институционализирует практики спонтанной, не отрефлексированной коммуникации, создавая иллюзию аутентичности и «жизни в моменте». Это ускоряет коммуникативные потоки и снижает порог ответственности за высказывание.

Спонтанно формируются новые нормы общения (новый цифровой этос): обязательная скорость реакции, культура публичной отмены (cancel culture) как инструмент социального контроля, толерантность к публичности приватной жизни. Язык обогащается неологизмами, интернет-сленгом и реактивными шаблонами, что создает барьер для непосвященных и усиливает групповую идентичность внутри цифровых сообществ.

Трансформации коммуникативных практик имеют глубокие социальные последствия:

1. Трансформация идентичности. Идентичность становится «проективной» и «расщепленной» – пользователь вынужден постоянно балансировать между несколькими перформансами для разных аудиторий (профессиональная сеть, круг друзей, публичная persona), что может вести к росту тревожности и чувству неустойчивости самости [1].

2. Новые формы социальной связности. Возникает парадокс «сетевого индивидуализма»: при гиперсвязанности на уровне слабых связей может наблюдаться дефицит глубоких, прочных межличностных отношений (сильных связей) [12]. Сообщества based on interest вытесняют communities of place.

3. Изменение публичной сферы. Публичная сфера становится гибридной, где онлайн- и офлайн-практики переплетаются. Однако ее рационально-критический потенциал снижается из-за доминирования аффекта, алгоритмической сегрегации и фрагментации. Публич-

ная дискуссия все чаще ведется не на языке аргументов, а на языке скандалов и вирусных кампаний.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что влияние социальных сетей на коммуникативные практики является не поверхностным, а парадигмальным. Социальные сети не просто добавили новые каналы общения, они изменили саму онтологию социальной коммуникации.

Произошел системный сдвиг:

– от «диалогической» модели, ориентированной на взаимопонимание, – к «перформативной» и «реактивной», ориентированной на самопрезентацию и аффективную синхронизацию;

– от интегрированной «публичной сферы» – к фрагментированному пространству «алгоритмических публич»;

– от дискурсивной «рациональности» – к доминированию «экономики внимания» и аффективного регулирования.

Эти изменения ведут к глубокой трансформации социальной реальности, затрагивая основы идентичности, социальной связности и механизмов функционирования общества. Коммуникация в социальных сетях порождает новую социальность, для которой характерны ускорение, визуализация, полифония и алгоритмическая опосредованность.

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении лонгитюдных исследований для отслеживания долгосрочных эффектов этих изменений, в разработке цифровой грамотности как компенсаторного механизма, а также в междисциплинарном изучении этических и нормативных рамок, которые могли бы способствовать сохранению конструктивного потенциала публичной коммуникации в новую цифровую эпоху.

4. Самоидентификация в цифровом пространстве: поиск смысла через коммуникацию

Создание «всемирной паутины» внесло кардинальные изменения в нашу жизнь. Многократно возросла скорость коммуникации, появились новые площадки для общения: социальные сети, мессенджеры, онлайн-платформы. Зародилась новая эпоха – эпоха цифрового пространства.

На каждом новом витке эволюции перед человеком всегда появлялись и новые проблемы. Эпоха цифровизации – не исключение. Пока еще функционирует процесс формирования личности непосредственно в рамках социального окружения, но в бесконечном пространстве цифровой коммуникации с ее неограниченными возможностями появляется проблема сохранения самоидентичности.

Самоидентификация в цифровом пространстве вполне закономерно играет ключевую роль в формировании современной коммуникации. Мы создали параллельный мир – виртуальный, в котором пытаемся создать собственные образы в личном идеальном представлении. Порой виртуальное представление о себе не соответствует реальности. При этом люди использу-

ют как правило один из выделенных И. Гофманом типов трансформации: переключение и фабрикацию [4].

Цифровую площадку человек все чаще использует для самовыражения, пытаясь найти ответы на главный вопрос: в чем смысл жизни. В процессе общения в сети люди активно делятся своими мыслями, эмоциями, идеями, стремясь найти понимание и поддержку. Экзистенциальные вопросы, такие как смысл жизни, смерть, одиночество, также находят свое отражение в онлайн-диалогах. Участники общения благодаря виртуальной коммуникации проявляют себя, раскрывая таким образом свою суть.

В цифровом мире человек имеет возможность создавать многообразие собственных форм идентичности от реально отражающих его личность до фантастических противоположностей. При этом в соцсетях, как правило, мы стараемся, тщательно отредактировав профиль, создать свою версию «идеального я». В конечном итоге «идеальный я» превращается в «цифрового я» – совокупность онлайн-профилей, аватаров и виртуальных образов.

В целом «сеть» дает возможность безопасно экспериментировать с разными сторонами своей личности, пробовать новые роли и находить единомышленников, что может способствовать глубокому самопознанию. Вместе с тем нельзя забывать, что постоянное стремление соответствовать идеальному образу без достижения данной цели может приводить к снижению самооценки и чувству неполноценности. В условиях, когда реальная личность сильно расходится с «цифровым я», может возникнуть внутренний конфликт и кризис идентичности. Более того трансляция в социальных сетях только лучших моментов личной жизни искажает восприятие реальности.

Через получение обратной связи путем взаимодействия с другими людьми, сравнения себя с окружающими к нам приходит понимание кто мы есть. Поэтому коммуникация становится не просто средством обмена информацией, но и весомым инструментом для утверждения себя.

Новый критерий внешней оценки нашей жизнедеятельности через систему одобрения «лайками» и положительными комментариями формирует определенную зависимость от стремления получить их максимальное количество. Что, в свою очередь, делает самооценку человека крайне уязвимой.

Публикуя посты, фотографии мы создаем собственный нарратив, который отражая наши убеждения и ценности становится важной частью в процессе сохранения нашей идентичности.

Динамика отношений «Я-Другой» в результате цифровой коммуникации претерпевает кардинальные изменения. От непосредственного взаимодействия лицом к лицу мы все чаще переходим к опосредованному – через экраны мониторов и математические алгоритмы. Это не только снижает эмоциональную глубину общения, но и не создает крепких, основанных на об-

щих принципах, мнениях и интересах, взаимоотношений, а лишь приводит к временным, поверхностным связям.

Многие века люди традиционно связывали поиск смысла жизни с семьей и обществом. В XXI веке поиск смысла приобрел новые черты – онлайн-активность, участие в онлайн-сообществах, использование цифровых инструментов для решения различных социальных проблем.

Расширяющийся процесс цифровизации становится источником серьезных проблем:

- бесконечный поток информации может привести к потере жизнеутверждающего фокуса и ощущению бессмысленности. Когда вокруг так много всего, трудно определить, что действительно важно;

- цифровое пространство, создавая возможности для самопрезентации, также может способствовать имитации и симуляции, подменяя подлинный поиск смысла созданием внешнего образа;

- чрезмерная зависимость от онлайн-коммуникации может приводить к эмоциональному отчуждению, снижению эмпатии и развитию интернет-зависимости.

Самоидентификация в цифровом пространстве – это сложный и многогранный процесс, который находится на пересечении технологий, психологии и социологии. Цифровая коммуникация предлагает человеку беспрецедентные возможности для самопознания, самовыражения и поиска смысла, но в то же время несет в себе риски и вызовы.

Несмотря на то, что ряд исследований предлагают рассматривать онтологический статус виртуального мира как часть человеческого бытия, выделяя сущностные признаки виртуальной реальности. Авторы таких исследований приходят к выводу о том, что концепция тесной связи всех миров позволяет наблюдать перенос социально и юридически значимых феноменов из реального мира в мир компьютерных игр и в обратном порядке [2]. Важно осознавать, что «цифровое я» – это лишь одна из граней нашей личности, а не ее полноценная замена. Поиск смысла в эпоху цифровой трансформации требует от человека критического осмысления своего онлайн-присутствия, поддержания баланса между виртуальной и реальной жизнью, а также стремления к подлинному, а не имитированному взаимодействию. Только так можно сохранить целостность личности и найти истинный смысл в этом новом, быстро меняющемся мире.

Список источников

1. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Васильев А., Архипов В., Андреев Н., Печатнова Ю. Виртуальный мир и социальная реальность: аспекты соотношения // Юрислингвистика. 2022. № 26 (37).
3. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.

4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. ; под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. М., 2003.

5. Делез Ж. Эссе «Постскрипtum к обществам контроля» (1990) «Переговоры» / пер. с франц. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

7. Леви П. Интеллектуальные технологии: к киберкультуре // Философия техники: история и современность. М. : ИФРАН, 1997. С. 234–251.

8. Манович Л. Язык новых медиа. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.

9. Постман Н. Забавляемся до смерти. М. : АСТ, 2022. 256 с.

10. Потапов М. М., Барбашов А. Б., Терещенко Е. К. Коммуникационная роль средств массовой информации в процессе кардинального изменения общественного сознания // Научные аспекты комплексной безопасности : Сборник научных статей. М., 2024. С. 212–223.

11. Хабермас Ю. Структурное преобразование публичной сферы. М. : Весь Мир, 2016. 344 с.

12. Уэллман Б. Физическое место и киберместо: возрождение сообщества // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 18–26.

13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 1999. 480 с.

References

1. Bauman Z. Fluid modernity. St. Petersburg : Peter, 2008. 240 p.

2. Vasiliev A., Arkhipov V., Andreev N., Pechatnova Yu. Virtual world and social reality: aspects of correlation // Legal Linguistics. 2022. № 26 (37).

3. Goffman E. Presenting oneself to others in everyday life. Moscow : Canon-Press-Ts, 2000. 304 p.

4. Hoffman I. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience / translated from English ; edited by G. S. Batygin, L. A. Kozlova, Moscow, 2003.

5. Deleuze J. Essay «Postscript to control societies» (1990) «Negotiations» / translated from French by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg : Nauka, 2004.

6. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Moscow : HSE, 2000. 608 p.

7. Levy p. Intelligent Technologies: Toward Cyberculture // Philosophy of Technology: History and Modernity. Moscow : IFRAS, 1997. P. 234–251.

8. Manovich L. The Language of New Media. Moscow : Ad Marginem Press, 2018. 400 p.

9. Postman N. Amusing Ourselves to Death. Moscow : ACT, 2022. 256 p.

10. Potapov M. M., Barbashov A. B., Tereshchenko E. K. The Communicative Role of Mass Media in the Process of Radical Change in Public Consciousness // Scientific Aspects of Integrated Security : Collection of Scientific Articles. Moscow, 2024. P. 212–223.

11. Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere. Moscow : Ves' Mir, 2016. 344 p.

12. Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Revival of Community // Sociological Studies. 2001. No. 1. P. 18–26.

13. Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of Prison. Moscow : Ad Marginem, 1999. 480 p.

Информация об авторах

М. М. Потапов – старший преподаватель кафедры комплексного обеспечения безопасности организации факультета комплексной безопасности и основ военной подготовки Российского государственного социального университета;

А. Б. Барбашов – преподаватель кафедры комплексного обеспечения безопасности организации факультета комплексной безопасности и основ военной подготовки Российского государственного социального университета;

Г. М. Гойхман – доцент кафедры основ военной подготовки факультета комплексной безопасности и основ военной подготовки Российского государственного социального университета.

Information about the authors

M. M. Potapov – Senior Lecturer at the Department of Integrated Organizational Security, Faculty of Integrated Security and Fundamentals of Military Training at the Russian State Social University;

A. B. Barbashov – Lecturer at the Department of Integrated Organizational Security, Faculty of Integrated Security and Fundamentals of Military Training at the Russian State Social University;

G. M. Goikhman – Associate Professor at the Department of Fundamentals of Military Training at the Faculty of Integrated Security and Fundamentals of Military Training at the Russian State Social University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.